

А

Борис Зайцев

Андрей Белый

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Царицыно -- дачное место под Москвой, по Курской дороге. Недостроенный дворец Екатерины, знаменитые пруды, парк вроде леса. Очень красиво. Сила зелени, произрастание, свежесть и влага. В Москве многие любили Царицыно. Были там и собственные дачи, или -- кому особенно нравилось -- снимали помещения из года в год у местных жителей, становились как бы летними обитателями Царицына.

-- Боря Бугаева отлично помню,-- говорила моя жена, в юности тоже царицынская дачница.

-- Я была девочкой еще, мы жили в Воздушных садах, около дворца. Дача Бугаевых недалеко оттуда. Боря был светленький мальчик, лет двенадцати, с локонами, голубыми глазами, очень изящный. Прямо скажу даже -- очаровательный мальчик. Любил рыбу удить в пруду, так и представляется мае с удочкой на берегу -- пруды там огромные. Мать у него была бледная, красивая, отец -- профессор в Москве, чудаковатый какой-то. За Борей присматривала гувернантка. Потом, много позже, я встретила с ним в Москве, он стал студентом, и, оказывается, поэт, пишет "Симфонии", "Золото в лазури"... Боря Бугаев оказался Андреем Белым!

Отец "Бори Бугаева" -- математик, крашенный старик с разными причудами -- молва о нем шла однородная, вряд ли ошибочная.

Профессора этого не приходилось встречать. Мать Белого я немного знал: блестящая женщина, но совсем иных устремлений, кажется очень бурных. Так что Андрей Белый явился порождением противоположностей.

На московском Арбате, где мы тогда с женой жили, вижу его уже студентом, в тужурке серой с золотыми пуговицами и фуражке с синим околышем.

Особенно глаза его запомнились -- не просто голубые, а лазурно-эмалевые, "небесного" цвета ("Золото в лазури"!), с густейшими великолепными ресницами, как опахала, оттеняли они их. Худенький, тонкий, с большим лбом и вылетающим вперед подбородком, всегда закидывая немного назад голову, по Арбату он тоже будто не ходил, а "летал". Подлинно "Котик Летаев", в ореоле нежных светлых кудрей. Котик выхолненный, барской породы.

Он только еще начинал писать. Учился на естественном факультете¹, печатался в "Скорпионе" (издательство), в журнале "Весы" под началом Валерия Брюсова. Считалось среди молодежи тогдашней, что он "необыкновенный" какой-то -- поэт, мистик с оттенком пророчественности и символист (по другим -- "декадент"). Но не просто декадент, а всем обликом своим являет нечто особенное² -- не предвестие ли "новой религии"? Видели в нем нечто общее и с князем Мышкиным из "Идиота". Передавали, что в университете вышел с ним даже случай схожий: на студенческом собрании, в раздражении спора кто-то "заушил" его. Он подставил другую щеку.

Ранние его произведения быстро привлекли внимание -- насмешливое у старших, сочувственное у молодежи. Лазурь бугаевских глаз в стихах "Золото в лазури" сияла почти ослепительно. Конечно, острей и д_у_х_о_в_н_е_й ощущал он свет, чем кто-либо. "Симфонии" показались необычайными и по форме -- полулитература, полумузыка... Лес, кентавры, беклиновское нечто в "Северной". В "Драматической" синие глаза московской красавицы, Владимир Соловьев, Евангелие от Иоанна -- все это несло в туманно-музыкальном вихре.

В то время и он, и Блок только еще выходили из-под плаща Соловьева -- в "Симфонии" Соловьев с "брадою" своей и в крылатке, развевающейся фантастически, "шествовал" над Москвой в утренних зорях, обещавших и Белому, и Блоку некие откровения, "раскрытия".

Все это оказалось призраком, мечтой, на церковном языке "прелестью". И оба оказались -- по-разному,-- но вроде одаренных лжепророков.

Как бы, однако, об этом ни судить, что бы ни говорить о Белом и Блоке в целом, юношеский образ "Бори Бугаева" оттиснут в памяти печатью романтической -- прозрачные, чистые краски в нем были тогда. И нечто певуче-летающее, с оттенком безумия.